

Василий Розанов

В темных
религиозных лучах
Купол храма

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 122/129

ББК 87

Р64

Вступительная статья А. Тесли

Розанов, Василий

Р64 В темных религиозных лучах. Купол храма / В. Розанов ; [вступит. ст. А. Тесли]. — М. : РИПОЛ классик. — 342 с. — (Вехи).

ISBN 978-5-519-64996-4

Вниманию читателя представляется книга одного из самых скандальных и провокационных русских мыслителей Серебряного века Василия Розанова. «В темных религиозных лучах» — книга, первое издание которой было уничтожено цензурой и которая впоследствии была переиздана Розановым в виде двух книг — «Темный лик» и «Люди лунного света». Настоящее издание представляет реконструкцию оригинального замысла автора с учетом позднейших добавлений и дано в двух частях — «Купол храма» и «Свеча в храме».

Василий Розанов не только при жизни, но и по сей день вызывает неприятие со стороны людей совершенно противоположных взглядов, прежде всего за его «богохульные» и «скандальные» размышления о христианстве. Розанов «хулил» христианство, но его «хула» была религиозной.

УДК 122/129

ББК 87

© Тесля А. А., вступительная
статья, 2017

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64996-4

ЧАСТНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

«1.IV.1916.

Рубят мои мысли одна другую.

Что за несчастье.

Другие спорят с другими, я — вечно с собой.

И как не сочиться крови.

(в давке трамвая)».

В.В. Розанов. Последние листья

Алексей Федорович Лосев (1893 — 1988), последний русский философ «серебряного века», в своей последней — и во многом итоговой книге, — посвященной если не первому, то праотцу этой философии, Вл. Соловьеву, характеризовал Розанова так:

- «беспринципный декадент»¹;
- «мистический анархист», от которого «вообще можно было ожидать чего угодно»²;

¹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / Послел. А. Тахо-Годи. — М.: Прогресс, 1990. С. 664.

² Там же. С. 665.

- «разврат мысли»¹;
- «декадентские сочинения»² и, наконец, главное и итоговое —
- «проповедник сатанизма»³, наряду с Ницше и Леонтьевым, поскольку если бы они «додумали свое отрицание всяких абсолютов до конца, то это было бы равносильно только абсолютизации самого обыкновенного человеческого Я»⁴.

В «анархизме» и «разврате» мысли Розанова обвиняли многократно — причем, что придает особенный привкус цитированным оценкам Лосева, и те самые авторы, которые определяли свою позицию, как «мистический анархизм». При этом сам Розанов не опровергал этих суждений — поскольку не соглашался видеть в этом свой «порок» или, если угодно, этот «порок» и был его «природой».

Русских авторов принято прежде всего оценивать с политических позиций — в этом отношении Розанов внешне вполне подтверждает оценку, данную ему Лосевым (точнее: повторенную, вслед за множеством других голосов). Он стал впервые довольно известен как автор консервативного «Русского вестника», печатался у С.Ф. Шарапова, пытавшегося про-

¹ Там же. С. 514.

² Там же. С. 522.

³ Там же. С. 532.

⁴ Там же. С. 536.

должать славянофильское направление, в «Русском обозрении» — чтобы затем стать автором «Нового времени», самой читаемой на тот момент русской газеты, издатель которой, А.С. Суворин, едва ли не гордился, когда за своеобразную беспринципность ее называли «парламентом мнений». В газете, деятельно поддерживающей официальный антисемитизм, Розанов публиковался в то время, когда писал свои самые выразительные юдофильские тексты — чтобы затем, во время дела Бейлиса, опубликовать свою самую скандальную книгу: «Осязательное и обонятельное отношение евреев к крови». Имея (особенно в наши дни) репутацию «консервативного» автора, он пишет радостные статьи о революции 1905 г. и переиздает их книгой в 1910 г. Человек «правых» взглядов, он на протяжении полутора десятков лет был едва ли не самым сильным — и по крайней мере самым заметным — обличителем церковных нравов. Он под своим именем печатается в «Новом времени» и одновременно, под прозрачным для друзей и знакомых псевдонимом «Варварин» (от имени второй жены, «друга» в «Уединенном» и «Опавших листьях», Варвары Дмитриевны Бутягиной), пишет для либерально-народнического «Русского слова».

Он не только при жизни, но и по сей день вызывает неприятие со стороны людей совершенно противоположных взглядов — почти в то время, как из-за

дела Бейлиса, когда суждения Розанова квалифицируются (совершенно справедливо) как защита «кровавого навета», его исключают из Религиозно-философского общества, когда с ним перестают общаться многие из тех, с кем он был связан на протяжении предшествующих десяти-пятнадцати лет, его книги арестовывает цензура, а в Св. Синоде ставится вопрос об отлучении его от Церкви.

Лосев писал: «От этого мистического анархиста, В.В. Розанова, вообще можно было ожидать чего угодно»¹, в том числе и хорошего, и верного, и глубокого — и Лосев же отмечал:

«Розанов глубочайше понимал все религии, но ни в одну из них не верил; а христианство он хулил так, как не придет и в голову какому-нибудь атеисту»².

Собственно, уже в одном этом — его особое, оригинальное место в истории русской мысли: Розанов «хулил» христианство, но его «хула» была религиозной. В предисловии к оставшемуся не осуществленным 2-му тому «Литературных изгнанников» Розанов в июле 1915 г. писал:

«Успокаиваться и отходить от Л[еонтьева] я начал только около 1897-го года, 1898 года, когда... terribile dictu начал от-

¹ Там же. С. 665.

² Там же. С. 664.

ходить (дело прошлое и можно рассказывать) от христианства, от церкви, от всего «скорбного, плачущего и стенающего» ... в мир улыбок, смеха, зелени и молодости, в юный и утренний мир язычества. Могу сказать о себе: рожден был в ночь, рос в сумерках, стал стариться — стал молодеть. С седыми волосами — совсем ребенок. Пока опять — ночь, скорбь и христианство. «Так мы, русские, ростом — ни на что не похожие»¹.

Розановское понимание христианства во многом вырастает и определяется частным вопросом — не в смысле «субъективности» (толкуемой как «произвол»), а от того, что из этого «частного» становится видно то, что иначе незаметно, можно принять за «частность». Так сложилась его жизнь, что первый, «законный», венчанный брак его был совершенно несчастным — он, еще студентом Московского университета, 24 лет, женился на 41-летней Аполлинарии Суловой, бывшей любовнице Достоевского. Брак этот стал истинным кошмаром его жизни. После смерти Розанова С.Н. Дурылин передал семье

¹ *Розанов В.В.* Собрание сочинений [В 30 т. Т. 29]. Литературные изгнанники. Кн. 2 / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. Сост. А.Н. Николюкин; коммент. А.Н. Николюкина, С.М. Половинкина, В.А. Фатеева. — М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 8.

оставленный ему летом 1918 г. Василием Васильевичем «маленький тючок», в котором были «две, помнится, небольшие записные книжки в клеенке, два-три листочка, — и старое, пожелтелое письмо...»:

«Это был рассказ о первой женитьбе В[асилия] В[асильевича] <...>. Рассказ был написан, надо думать, в самом начале 90-х годов — и в определенное время: тогда, когда Вас[илий] Вас[ильевич] был уже женат на Варваре Дмитриевне. Рассказ весь строился по контрасту: что было тогда, при Сусловой, и что стало *теперь*, когда при нем В[арвара] Д[митриевна]. О «теперь» он, впрочем, ничего в письме, сколько помню, не говорил: «теперь» — это было глубокое, полное счастье. Это было счастье в онтологии, если можно так сказать, счастье от корня бытия, счастье от «лона Авраамова», полученное от «Бога Аврааама, Исаака и Иакова». [...]

Письмо было потрясающее. Любовь и ненависть, благословения и проклятия сплелись в нем. В нем был крик спасшегося от гибели, крик с берега, — волне, которая только была, хлестала его, чуть-чуть не разбила о камень, и вот он все-таки выбрался на берег, жметя к тихому и теплому лону, а волне шлет проклятия.

Когда чтение было окончено, Варвара Дмитриевна — земля с тихим и теплым лоном — приняла у меня письмо, — заплакала — тихо и кротко.

Все молчали.

Мы поняли все смысл этого загробного чтения: В[асилий] В[асильевич] хотел, чтобы и дочери его знали, что был бьющей о камень волной и кто был прекрасно-творящей землей в его жизни»¹.

И даже в этом аду — не Розанов бросил Аполлонию, она оставила его — попутно, удовольствия своего странного ради, донеся от его имени на его сокурсника. Он просил развода — она не давала, он пытался вынудить ее, угрожая в противном случае принудить ее вернуться — она знала, что он не в силах этого сделать (как затем объяснял ему жандармский офицер): он мог только пытаться в ответ чем-то пригрозить ей — она могла мучить его безнаказанно. Он нашел себя (когда был уверен, что ничего подобного с ним быть не может) свое счастье и спасение, Варвару:

«[...] дочь-вдова 26 лет, — вся невинная и белая, с чистым звонким голосом, изящная и оживленная и как-то «вдалеке

¹ Дурьилин С.Н. В.В. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra. Кн. I / Сост., вступ. ст. и прим. В.А. Фатеева. — СПб.: РХГИ, 1995. С. 238, 240.

от всех» (подруг) ... с нею дочка 6 лет, беленькая и востренькая (Шура).

Она мне рассказывала жизнь, а я ей не рассказывал: она — знала, как и все в городе»¹.

Их обвенчал тайно деверь, брат ее мужа («Я вас повенчаю. Записей не будет. Только сверх 1.000 условие: немедленно переводитесь в другой город (служба) и уезжайте. Уедете — и забудут. Без этого — толки. Что, как? И может раскрыться»²). «Пошли дети» — в глазах закона: никто, ублюдки. Сам он — двоеженец, подлежащий, раскройся это, «не только церковным, но и гражданским карам — разлучению с женой, с детьми и ссылке на поселение»³. Но дети его — они ведь, вроде бы, по всем словам звучащим, «о любви» — они за что оказывались столь караемы? Флоренскому Розанов писал — потрясенный, настигнутый болезнью Варвары Дмитриевны, «друга» — в то же время, когда невольно возникали «Уединенное» и «Смертное»:

««Мою историю», оказывается, все знали: Рачинский (учитель) — от меня. Победоносцев (с Рачинским на «ты»),

¹ Розанов В.В. Собрание сочинений [В 30 т. Т. 29]. Литературные изгнанники. Кн. 2. С. 244, письмо от 20.IX.1910 г.

² Там же. С. 246.

³ Дурьлин С.Н. Указ. соч. С. 241.